
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XX

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 200-летию со дня основания Азиатского музея /
Института восточных рукописей РАН

St. Petersburg
2018

Р. Ю. Почкаев

Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве

DOI: 10.25882/fp34-3n22

В статье анализируются записки российских дипломатов XVII в., побывавших в различных монгольских государствах. Автор предпринимает попытку выявить информацию, касающуюся монгольского права и правоотношений в рассматриваемый период. Несмотря на то что такие сведения в дипломатической документации довольно малочисленны, они представляют большой интерес для исследователей, поскольку отражают реально существовавшие правоотношения, действие на практике тех или иных норм известных нам монгольских правовых кодификаций, а также тех, которые не были зафиксированы в официальных правовых актах. Сведения русских дипломатов проливают свет на некоторые особенности правового статуса монгольских правителей (позволяя выявить принципиальные отличия в организации властных отношений в ханствах Восточной Монголии и западно-монгольском Джунгарском ханстве), на правовое положение монгольских женщин и духовенства, регулирование экономических отношений, некоторые аспекты отношений в сфере преступлений и наказаний.

Ключевые слова: Монголия XVII в., Джунгарское ханство, империя Цин, Московское царство, обычное право, русские посольства в Монголию и Китай.

XVII в. стал временем установления и развития отношений Московского царства и монгольских ханств. В течение 1610—1680-х гг. значительное число русских дипломатов посетили государства Восточной Монголии (улусы Тушету-хана, Сэчен-хана), а также ойратские владения в Западной Монголии, в т. ч. Джунгарское ханство. Результаты этих поездок нашли отражение в статейных списках посольств, расспросных речах участников дипломатических миссий и ряде других документов, составленных на основе полученных дипломатами данных.

До сих пор эти сведения использовались преимущественно как источник по политической истории Монголии и русско-монгольских отношений [Гольман, 2017; Дацышен, Модоров, 2010; Златкин, 1983; Слесарчук, 2013]. Предпринимались также попытки привлекать их как материалы по истории монгольского быта, экономики, этнографии [Иргит, 2009; Чимитдоржиева, 2003б] и, конечно же, исторической географии (истории географических открытий и пр.) [Магидович И. П., Магидович В. И., 1983; 1984]. В рамках данной статьи предпринимаются попытки извлечь из записок русских дипломатов XVII в. сведения о монгольском праве.

Безусловно, право монголов рассматриваемого периода достаточно хорошо известно исследователям — ведь именно в конце XVI—первой половине XVII в. появляется целый ряд кодификаций, содержащих нормы, регулировавшие самые разные сферы правоотношений в монгольском обществе: «Уложение Алтан-хана» (ок. 1577), «Восемнадцать степных законов» (рубеж XVI и XVII вв.), «Их Цааз» (1640),

«Свод законов съезда Кукунора» (1685). Вряд ли можно ожидать от записок русских дипломатов существенного дополнения к содержанию этих правовых памятников, тем более что перед ними ставились вполне конкретные задачи, реализацию которых они старались максимально подробно отразить в своих отчетах: приведение монгольских правителей к шерти, т. е. признанию ими сюзеренитета московских монархов, обеспечение безопасности восточных границ Московского царства, возвращение перепежчиков из числа кочевых подданных Москвы и т. п. Поэтому какие-либо дополнительные (помимо содержания переговоров) сведения в их записках, скорее, исключения.

Тем не менее даже немногочисленные упоминания о правовых реалиях монголов, которые присутствуют в отчетах дипломатов XVII в., представляют значительный интерес и ценность для исследователей. Во-первых, они отражают не столько содержание официальных правовых актов, сколько действующие правоотношения, т. е. действие правовых сводов на практике. И, во-вторых, в них присутствует информация о таких аспектах монгольского обычного права, которые не были зафиксированы в упомянутых правовых кодификациях.

Нами проанализированы статейные списки, расспросные речи и «доезды» российских дипломатов, побывавших в различных монгольских государствах и улусах с 1617 по 1690 г. Большинство этих исторических памятников уже многократно изучалось исследователями — в особенности после публикации четырех томов документов по истории русско-

монгольских отношений. В большинстве своем это отчеты о дипломатических миссиях, совершенных представителями сибирской администрации. Кроме того, были привлечены и отчеты о некоторых русских дипломатических миссиях в Китай — ведь их участники также значительную часть пути проделывали по территории Монголии, вступали в контакты с монгольскими правителями. Соответственно, в нашем распоряжении имеется достаточно большой корпус документов, содержащих сведения о разных сторонах монгольской правовой жизни XVII в.

Представляется целесообразным начать анализ со сведений о правовом статусе монгольских правителей, об особенностях их взаимоотношений с собственными подданными и соседними государями — ведь это во многом влияло на само состояние правоотношений во владениях тех или иных монгольских правителей. В связи с этим можно отметить, что монгольские владения делились на три типа, каждый из которых отличался особенностями государственно-правовых отношений.

Первый тип — это южномонгольские владения, правители которых ко времени развития русско-монгольских отношений уже признали власть империи Цин. Сразу обратим внимание на то, что в записках дипломатов сведений о них весьма мало — по-видимому, в силу того, что такие монгольские правители не являлись самостоятельными участниками международных отношений, и с ними участники русских посольств в тесные контакты практически не вступали. Поэтому в анализируемых документах лишь изредка встречаются упоминания об этих монголах, причем, как правило, в записках дипломатов, совершавших поездки именно в Китай, а не Монголию. Так, Федор Исаакович Байков, руководитель дипломатической миссии в Китай в 1654—1656 гг., упоминает о «мугальских тайшах кочевных», которые «отложились от своих мугальцов... а служат китайскому царю» [Демидова, Мясников, 1966. С. 124; РМО, 1974. № 136. С. 403]. При этом дипломат уточняет, что они кочуют около города «Кокочотана» и что «называют их тубенцами», — по всей видимости, речь идет о монголах-тумэтах, центр владений которых находился в г. Хухэ-Хото и которые на самом деле уже в первой половине XVII в. признали власть империи Цин. Николай Гаврилович Спафарий, также побывавший в Китае в 1675—1677 гг., упоминает о «китайских ясачных мунгалах» [Спафарий, 1882. С. 130]. Участники дипломатической миссии в Китай 1692—1694 гг. Эбергард Избрант Идес и Адам Бранд упоминают о «монгольском приказе» в Пекине [Идес, Бранд, 1967. С. 244, 245] — по-видимому, предтече будущей «Палаты внешних сношений» (Лифаньюань), которая и появилась для организации управления новыми монгольскими подданными империи Цин.

В некоторых случаях информацию русских дипломатов следует воспринимать критически, с поправкой на то, что в XVII в. отношения Московского царства с Монголией и Китаем еще только начали

устанавливаться и развиваться, и многие особенности политического, правового и даже этнического характера для дипломатов были не вполне ясны. Так, в сообщении вышеупомянутого И. Идеса, члена русской посольской миссии в Китай в 1692—1694 гг., встречается упоминание о посещении посольством города Тунчжоу, губернатор которого «принадлежал, как мне сказал сановник, к высшей аристократии и был монгол, или восточный татарин, по рождению и оказался очень воспитанным и красивым человеком» [Идес, Бранд, 1967. С. 205]. Казалось бы, это позволяет сделать вывод об интеграции монгольской знати в правящую элиту империи Цин (что действительно нередко имело место впоследствии), однако ниже тот же дипломат пишет, что сам китайский император (богдыхан) — «монгол, или восточный татарин» [Идес, Бранд, 1967. С. 218], относя, таким образом, маньчжуров к монгольским народам. Следовательно, и в вышеприведенном сообщении о губернаторе Тунчжоу речь идет, несомненно, о маньчжурском администраторе. Тем более что и другие авторы XVII в. ничего не сообщают о том, что представители монгольской правящей элиты занимали административные должности в империи Цин.

Правители Северной Монголии, как следует из записок русских дипломатов, всячески старались подчеркнуть свою независимость, заявляя, что никому не подчиняются и не платят дани ([РМО, 1974. № 111. С. 351]; см. также: [Оглоблин, 1891. С. 157—158, 165, 166; Слесарчук, 2013. С. 207]). Особенно ярко эту позицию выражали те монгольские ханы и тайджи, которым предлагалось «шертовать» московскому царю, поскольку видели в этом признание некоего «холопства» по отношению к русскому монарху, которому готовы были «служить» и, соответственно, получать за это от него «жалованье», но никак не считаться его данниками [РМО, 1959. № 7. С. 39]¹. Между тем монгольские правители фактически либо выдавали желаемое за действительное, либо лукавили в переговорах с русскими дипломатами: уже вскоре после падения Чахарского ханства, в 1635 и 1637 гг. халхаские правители начали посылать дань цинским властям и вести переговоры о вассалитете, а с 1655 г. даже стали отправлять своих заложников-аманатов в Пекин, что уже прямо свиде-

¹ Стоит отметить, что и в современной исследовательской литературе до сих пор нет единого мнения о правовом значении шерты, т. е. своеобразной клятвы-договора, которую московские монархи в XVI—XVII вв. стремились получить от своих кочевых соседей. Одни специалисты указывают, что целью шерты было отнюдь не подчинение кочевых народов (в частности, монголов) московскому царю и включение их владений в состав России, а обеспечение мира на восточных границах Московского царства, прекращение грабительских набегов кочевников [Слесарчук, 2013. С. 179]. Другие же авторы считают, что «шертование» означало прямое признание подданства монголов Москве и утрату ими самостоятельности [Чимитдоржиева, 2003a].

тельствовало об их подчинении Китаю [Дацышен, Модоров, 2010. С. 22; Гольман, 1986. С. 137].

Неоднократно русские дипломаты приводят свидетельства того, что власть монгольских правителей нередко была весьма ограниченной. Например, Василий Старков в статейном списке по итогам посольства к хотогойтскому Алтын-хану Омбо-Эрдэни в 1638—1639 гг. сообщает, что после отъезда из ханской ставки на посольство напали монголы и ограбили его. Когда же посол спросил сопровождающего их ханского сановника, как хан позволил такое, тот отвечал, что это были люди не хана, а его зятя Тайчин-«табуна», за которых Алтын-хан ответственности не несет [РМО, 1974. № 28. С. 130].

Зависимость ханов от знати русские послы порой умудрялись использовать и в собственных интересах. Так, сын боярский Яков Остафьевич Тухачевский, глава посольства к Алтын-хану в 1635 г., убедившись, что хан не намерен «шертовать» московскому царю, объявил его приближенным «табунам», (т. е. табунагам, ханским и княжеским зятям), заявив, что правитель хочет заставить их принести присягу Москве и, соответственно, нести обязанности, платить дань и пр. В результате монгольские аристократы убедили хана дать шерть русскому послу [РМО, 1959. № 102. С. 207].

Резким контрастом по сравнению с раздробленными северными и восточными монгольскими ханствами и княжествами предстает Джунгарское ханство, возникшее в Западной Монголии в качестве сильного и централизованного государства в 1620—1630-е гг. Сообщения русских послов позволяют сделать вывод о сильной власти верховных ойратских правителей, об их способности контролировать подданных — вплоть до улусных владельцев. Так, например, сын боярский М. Ремезов в статейном списке по итогам своего посольства к Эрдэни-Батуру-хунтайджи в 1640—1641 гг. сообщает о мерах, предпринятых ойратским монархом против влиятельного улусного владельца Кулы-тайши, который даже лично поддерживал дипломатические отношения с русскими властями. Согласно запискам Ремезова, Кула «контайшина приказа не послушал, на думу к нему, контайше не приехал», за что хунтайджи взял с ослушника штраф 200 лошадей, заставил отдать дочь замуж за другого улусного правителя, а самого Кулу-тайши лишил должности, заменив другим наместником-«прикащиком» [РМО, 1974. № 47. С. 209].

Сын и преемник Сенге, несмотря на постоянную борьбу со своими братьями за престол [Златкин, 1983. С. 136], также проявил себя эффективным правителем, контролировавшим ойратских тайджи и вассальные племена Джунгарского ханства. Так, когда русское посольство сына боярского Павла Кульвинского (1666—1667) подверглось нападению и ограблению в ойратских землях, Сенге и его дядя Чохур-Убаши заявили русским послам, что нападавшие являлись подданными нескольких ойратских тайджи, однако, в отличие от халхаских ханов, снимав-

ших с себя ответственность за своих улусных владельцев, обещали начать поиск виновных и похищенного имущества [Материалы, 1996. № 71. С. 152, 154].

Как сообщает другой русский посол к Сенге, сын боярский Василий Литосов, когда хунтайджи узнал что подвластные ему «белые калмыки» (теленгуты) совершают «воровские» нападения на русские пограничные владения, он «с жесточью» послал князьям Коке и Мачику приказ прекратить эти действия [Материалы, 1996. № 48. С. 108—109]. Тем самым он продемонстрировал русским дипломатам уверенность в возможности контролировать своих вассалов — ведь халхаские ханы в таких случаях отговаривались тем, что не могут углядеть за всеми своими вассальными правителями, поскольку отдавали себе отчет, что их вассалы, пользуясь своей отдаленностью от ставки хана, могли просто-напросто проигнорировать его указ.

Отличаясь более организованной системой власти, ойратские правители могли более эффективно использовать правовые средства по увеличению собственных угодий. Так, согласно статейному списку сына боярского Даниила Данииловича Аршинского о посольстве к Эрдэни-Батуру-хунтайджи в 1646 г., барабинские татары, платившие ясак Джунгарии, жаловались русским властям, что ойратские тайджи прикочевали к их землям и «отняли у них зверовые промыслы» [РМО, 1974. № 85. С. 272]. По-видимому, речь шла о превращении мест для охоты в хориг (курук), т. е. заповедную территорию, охотиться на которой могли только сами правители или с их разрешения (см. подробнее: [Дробышев, 2007. С. 76]).

Большое значение в политической жизни монгольских ханств стали приобретать высокопоставленные представители буддийского духовенства, несмотря на то что буддизм в качестве официальной государственной религии был принят в монгольских ханствах сравнительно недавно. Так, Иван Петлин, совершивший дипломатическую поездку в Китай через Монголию в 1618—1619 гг., сообщал, что «кутуфта (богдо-гэгэн, джебзун-дамба-хуукта. — Р. П.) — то по-нашему патриарх» [Демидова, Мясников, 1966. С. 45; РМО, 1959. № 34. С. 82]. Н. Спафарий также пишет, что «кутухту ламу» «слушают вельми мунгальские все тайши» [Спафарий, 1882. С. 130]. В статейном списке посольства Федора Алексеевич Головина в Китай 1689 г. упоминается, что богдо-гэгэна почитали не только халхаские монголы, но и южномонгольские князья, официально признававшие власть империи Цин [РКО, 1972. С. 180].

Московские дипломаты часто упоминают про участие буддийских лам в политической жизни монгольских ханств, в т. ч. и при проведении дипломатических переговоров. Некоторые из послов ограничиваются краткими упоминаниями о том, что среди ханских приближенных на приеме присутствовали также и ламы («лабы») [РМО, 1959. № 26. С. 71]. Впрочем, эти ламы могли выступать в качестве своего рода секретарей при правителях, поскольку владели грамотой (см.: [Скрынникова, 1988. С. 25]).

Отдельные же священнослужители обладали реальным политическим авторитетом и могли существенно влиять на политику ханов, в т. ч. и на международном уровне. В качестве такового в посольской документации неоднократно упоминается Даин-Мерген-ланза — влиятельный священнослужитель, в свое время являвшийся духовным наставником Алтын-хана Шолоя-Убаши, который его «во всем слушал», а затем и его наследника Омбо-Эрдэни, у которого, как говорили его приближенные русским послам, «с лабою (ламой. — *Р. П.*) все нераздельно» [РМО, 1974. № 8. С. 56; № 29. С. 135]. Как сообщал вышеупомянутый Я. Тухачевский, Даин-Мерген-ланза позволял себе даже публично выговаривать хану за его нежелание «шертовать» русскому царю, на что тот покорно отвечал, что ждал лишь его прибытия, чтобы совершить церемонию принесения шерти [РМО, 1959. № 102. С. 208—209]. К этому священнослужителю московские власти даже отправляли отдельные посольства с официальными посланиями и дарами, например, в 1636—1637 гг. у него побывал сын боярский Б. Карташев, а в 1638—1639 гг. — сын боярский Степан Иудич Неверов [РМО, 1974. № 8, № 29]. В 1686 г. боярский сын Спиридон Ходоногов был отправлен к Ундур-гэгэну [Материалы, 2000. № 8. С. 73—75]. Тушету-хан Чихун-Доржи, принимая в 1677—1678 гг. посольство сына боярского Ф. Михалевского и подьячего Г. Шешукова, сам направил послов в ставку хутукты, т. е. Ундур-гэгэна, главы буддийской церкви в Монголии [Материалы, 1996. № 163. С. 310; Слесарчук, 2013в. С. 100]. Некоторые священнослужители привлекались монгольскими ханами не только как секретари-писари, но и как дипломаты. В частности, сын боярский В. Былин, посетивший джунгарского хунтайджи Сенге в 1667—1668 гг., упоминает, что тот направил в Россию своего посла «лабу» [Материалы, 1996. № 88. С. 185; Слесарчук, 2013а. С. 98; 2013б. С. 130—131]. Наиболее влиятельные священнослужители также направляли собственных послов к московским властям, т. е. имели право осуществлять самостоятельные внешнеполитические контакты [Скрынникова, 1988. С. 25]. Помимо самого богдо-гэгэна официальные контакты с московскими дипломатами осуществлял «шанзаб», т. е. шанцотба, официальный «управляющий делами» главы монгольской церкви [Материалы, 2000. № 22. С. 108—109].

Однако стоит отметить, что русские дипломаты, столь много внимания уделившие статусу монгольских церковных иерархов, являлись современниками весьма влиятельных глав русской православной церкви — таких патриархов, как Филарет (1619—1633) и Никон (1652—1667), титуловавшиеся не только патриархами, но и «великими государями». Есть основания полагать, что московские послы могли в известной степени проводить параллели между высшим духовенством Московского царства и современных ему монгольских государств, рассматривая деятельность буддийских церковных иерархов в тех же категориях, в каких действовали представители

русского высшего православного духовенства. Повидимому, неслучайно вышеупомянутое отождествление И. Петлиным «кутуфты» с патриархом.

Также нельзя не упомянуть, что лишь после долгих лет дипломатических взаимоотношений московские посланцы осознали религиозную принадлежность монголов. Так, В. Тюменец в 1616 г. и Я. Тухачевский в 1635 г. стремились убедить Алтын-ханов, как и ряд последующих дипломатов, «шертовать» «по своей мусульманской вере» «на куране» (Коране. — *Р. П.*) [РМО, 1959. № 22. С. 64; № 103. С. 219]. И только в 1670-е гг. московские послы уже определенно сообщают о поклонении монголов «богом своим бурханом» [Материалы, 1996. № 163. С. 312].

С вопросами государственного управления тесно связана еще одна сфера правоотношений — налоговая система монголов. Впрочем, сразу следует подчеркнуть, что московские дипломаты освещают ее весьма скудно. В посольской отчетной документации чаще всего речь идет о дани, которую московские власти хотели бы (хотя бы чисто формально) получать с монгольских вассалов. Соответственно, эти сведения могут помочь сформировать представления, в какой форме могли собираться налоги и в самой Монголии. Так, вышеупомянутый посол к Алтын-хану В. Старков упоминает, что Даин-нойон направил в Москву дань, которая включала 50 соболей «в козицах», 8 бобровых шкур, 2 шкуры «барса да ирбиса», 2 шкуры росомахи [РМО, 1974. № 28. С. 126]. Также есть упоминания, что в качестве дани направлялось серебро, специально закупавшееся для этой цели в Китае [РМО, 1974. № 102. С. 330, 332].

Есть сведения и о некоторых повинностях, которые несли монголы. Так, в статейном списке Ф. А. Головина упоминается, что монгольские вассалы китайских императоров должны были поставлять воинов для боевых действий империи Цин (в т. ч. и для нападений на русские пограничные крепости), к чему они, впрочем, были «зело склонны» [РКО, 1972. С. 135]. Дипломаты, побывавшие у северных монгольских князей, сообщают, что ханы отряжали сопровождающих для них, что тоже можно рассматривать как своеобразную повинность [Демидова, Мясников, 1966. С. 132; РКО, 1972. С. 121; РМО, 1974. № 28. С. 130].

Обращает на себя внимание отсутствие упоминаний московскими дипломатами почтовых станций, которые имели широкое распространение в Монголии в имперский период (XIII—XIV вв.), а также в период пребывания страны под маньчжурским владычеством, особенно в XIX—начале XX в. Судя по всему, к XVII в., в связи с феодальной раздробленностью почтовая система в Монголии исчезла, и правители не видели необходимости в ее восстановлении и поддержании.

Как следствие, не было никакой регламентации обеспечения проезжающих официальных лиц транспортом, продовольствием и пр., о чем постоянно упоминают в своих отчетах московские дипломаты — а ведь такое обеспечение еще со времен Мон-

гольской империи было чрезвычайным сбором, взимаемым с населения той местности, по которой проезжали послы. При этом степень обеспечения их кормами и лошадьми зависела либо от доброй воли принимавших их монгольских правителей, либо же от содержания привозимых ими посланий российских властей. Так, одни дипломаты выражают полное довольство получаемыми кормами во время поездки к монгольским правителям и пребывания в их ставках [РМО, 1959. № 22. С. 64; № 26. С. 70; 1974. № 57. С. 228; Материалы, 1996. № 25. С. 74; № 37. С. 89; № 48. С. 108]. Другие же говорят, что их весьма скудно снабжали «кормом» [РМО, 1974. № 28. С. 105; Материалы, 1996. № 118. С. 233; Филиппов, 1958. С. 139]. В отдельных случаях причины недостаточного снабжения дипломатов продовольствием и транспортом оговариваются специально. Так, когда Алтын-хан Омбо-Эрдэни убедился, что посол В. Старков и его спутники не намерены отходить от жестких инструкций, данных им московскими властями, он существенно урезал количество продовольствия, предоставлявшегося им [РМО, 1974. № 28. С. 120]; то же самое случилось с посольством Василия Бубенного к джунгарскому Сенге-хунтайджи в 1666 г.: после переговоров, в ожидании его решения, послы получали «корма» вдвое меньше, так что приходилось его докупать за свой счет [Материалы, 1996. № 67. С. 141]. А вот, например, служилый бухарец Сеиткул Аблин, ездивший в Монголию и Китай для ведения переговоров о торговле, сообщал, что ойратский Аблай-тайджи «корм де им... давал небольшой» не с намерением причинить «тесноту и обиду», а потому, что недавно подвергся вражескому набегу и разорению [Материалы, 1996. № 118. С. 233].

Послы же, проезжавшие через Монголию в Китай, как правило, жалуются на практически полное отсутствие продовольственного и транспортного обеспечения. И. Петлин после своей поездки в Монголию и Китай даже направил специальную челобитную царю Михаилу Федоровичу, прося «пожалования» за то, что во время путешествия он и его спутники «и голод и нужу терпели и всякой скоромели» [Мясников, 1958. С. 150]. Ф. Байков тоже жалуется, что монгольские провожатые не то что не предоставляли им корма, лошадей и верблюдов, но даже запрещали послам покупать их в попутных монгольских стойбищах [Демидова, Мясников, 1966. С. 132]. Н. Спафарий пишет о необходимости покупать лошадей и верблюдов у местных тайшей, что приходилось делать нередко, поскольку монголы нередко воровали у них скот по пути следования [Спафарий, 1882. С. 131, 135]. Спутники Ф. А. Головина, направленные к Тушету-хану, сообщали, что он им провожатых дал, «а в подводах де и в кормах отказали» [РКО, 1972. С. 121]. По всей видимости, монгольские правители не считали себя обязанными как-то обеспечивать иностранных дипломатов, которые всего лишь «транзитом» следовали через Монголию в другое государство.

Продолжая тему правового регулирования экономических отношений в Монголии XVII в., на основе сообщений русских дипломатов можно сделать вывод, что торговля в монгольских ханствах в этот период развивалась довольно стихийно и фактически никак не регулировалась. В посольской документации есть краткие упоминания о том, что китайские власти не пускали монголов для торговли дальше своих пограничных городов, сами брали от них скот и меха, в обмен предоставляя серебро, а также ткани — камку, кумач, бязь, атлас [РМО, 1959. № 37. С. 88; 1974. № 28. С. 119]. Так что, конечно же, монголы были заинтересованы в ведении дел непосредственно на территории иностранных государств, где можно было выгоднее сбыть свои товары и приобрести местную продукцию гораздо дешевле, чем в приграничных районах. Это объясняет, в частности, активность ойратского тайджи Мангита, который в переговорах с сыном боярским В. Волковым и толмачом Ф. Дербышалиевым в 1623 г. старался договориться об отправке 500 лошадей для продажи в Уфу [РМО, 1959. № 64. С. 125]. Впрочем, русские также не стремились создать монгольским торговцам «режим наибольшего благоприятствования» и старались использовать неопытность последних в торговой деятельности. Так, вышеупомянутый С. Аблин упоминает, что ему было дано указание приобрести верблюдов в ойратских улусах, где их стоимость была 5—7 рублей, тогда как в Тобольске они стоили 10—12, а в империи Цин — уже 20—30 руб. [Материалы, 1996. № 66. С. 138]. Незрелость торговли в Монголии XVII в. подчеркивается также отсутствием каких-либо упоминаний московскими дипломатами (в т. ч. и ездившими в Монголию и Китай с торговыми целями) о системе торговых сборов или о чиновниках, контролирующих сделки.

Находясь под строгим надзором монгольских чиновников, московские дипломаты практически не имели возможности ознакомиться с повседневной жизнью монголов и, соответственно, с особенностями их семейных отношений. Тем не менее в их записках встречаются небезынтересные сведения, в частности, о статусе монгольских женщин.

В первую очередь, речь идет о распространенной среди тюрко-монгольских кочевников традиции участия представительниц знати в политической жизни и наличии у них собственных улусов. Ряд послов упоминают, что ханские жены участвовали в официальных дипломатических приемах [РМО, 1959. № 26. С. 71; 1974. № 47. С. 207; № 122. С. 369]. Неудивительно, что некоторые дипломаты сразу направлялись московскими властями с поручением дары «поднести честно» не только самому монгольскому монарху, но «и женам ево» [РМО, 1974. № 122. С. 368]. Не только жены, но и матери ханов участвовали в дипломатических отношениях. Так, Алтын-хан Омбо-Эрдэни в 1635 г. принимал посольство Я. Тухачевского в улусе своей матери, у которой они и оставались в ожидании его ответа [РМО, 1959. № 102. С. 206; № 103. С. 218]. Когда Б. Карташев посетил с

дипломатической миссией вышеупомянутого Даин-Мерген-ланзу, к нему прибыли чиновники матери Алтын-хана «Чечен-катуны» (Сэчен-хатун) для ведения переговоров, так же активно она взаимодействовала и с посольством С. Неверова [РМО, 1974. № 8. С. 59; № 29. С. 145]. Супруга ойратского Галдана Бошугту-хана «Аной» (Ану) в 1680 г. принимала у себя посольство во главе с сыном боярским Яковом Неприпасовым [Материалы, 1996. № 192. С. 364].

Представительницы правящего рода не только владели собственными улусами, но и время от времени, как и в период Монгольской империи, принимали на себя бразды правления тем или иным владением — вплоть до ханского аймака. Казак И. Петлин дает яркое описание правления некоей «Манчики-царицы» (в другой версии — «Манчикакут» или Малчикатуень) из «Широмугальской земли», которая правит кочевьями и городами и даже выдает «грамоту за своей печатью», с которой «пропускают за рубеж в Китайскую землю» [РМО, 1959. № 34. С. 81; Демидова, Мясников, 1966. С. 43]². Толмач Панфил Семенов, отправленный в качестве посла к Сэчен-хану Шолою, прибыл в его владения, когда хан уже скончался, и все переговоры с русским дипломатом вела его вдова «Тайка»³ вместе со своим зятем Турукай-«табуном» [РМО, 1974. № 111. С. 348]. Сын боярский Игнатий Михайлович Милованов по итогам поездки в урочище Керулен в 1690 г. сообщал, что ранее здесь «кочевала мунгальская баба Далай-катуня, а после де ее кочевал в тех урочищах ее сын Ахай Дайчин» [Материалы, 2000. № 106. С. 273], т. е. даже при наличии наследника мужского пола его мать являлась полноправной правительницей.

В записках дипломатов также встречаются сообщения об особенностях семейно-правовых, а именно брачных отношений, которые (как и в более поздние времена) отличались высокой степенью свободы отношений супругов. Так, вышеупомянутый толмач П. Семенов под 1620 г. упоминает, что сибирский царевич Ишим (сын хана Кучума), нашедший убежище у ойратов, женился на знатной ойратке, но когда он был в походе, «ево жона покинула да шла без нево замуж», после чего он женился на другой представительнице правящего рода ойратов — дочери Байбагиша (Бабагас-хана) [РМО, 1959. № 50. С. 105].

² Согласно о. Палладию (Кафарову), под именем «Манчики царицы» упоминается правительница Ордоса, фигурирующая в китайской историографии под именем Саньнян-цзы, т. е. «троекратная боярыня», получившая его из-за своих трех браков, и, несмотря на наличие сыновей и внуков, самостоятельно управлявшая своим владением, при этом признавая власть империи Мин и получив от ее властей титул «Чжун-шунь фу-жень», т. е. «верная и покорная боярыня» [Палладий, 1892. С. 306—307]. Можно предположить, что сохранение власти за ней гарантировали именно китайские сюзерены.

³ Тайка (Ахай-хатун) — старшая жена Шолой Цецен-хана. Носила титул *дайху* ('императрица'). П. Семенов принял ее титул за собственное имя, отсюда «Тайка».

В статейном списке Ф. А. Головина упоминается, что из Селенгинска бежала «мунгальская баба», «не захотя жить с ним (мужем. — Р. П.)» из-за дурного обращения, и русские власти потребовали у монгольских правителей ее выдачи как русско-подданной, при этом не упоминается, планировалось ли вернуть ее мужу [РКО, 1972. С. 260].

Вместе с тем женщины низкого происхождения у монголов, как и прежде, нередко являлись имуществом, которое можно было продать или даже подарить. Я. Тухачевский совершенно спокойно упоминает, что в качестве ответного дара от Алтын-хана он и один из его спутников получили по «девке» [РМО, 1959. № 102. С. 213].

Что касается наследственных отношений у монголов XVII в., то о них нам удалось найти всего пару упоминаний, и оба они связаны с наследованием власти правителя. Так, Турукай-«табун», зять покойного Сэчен-хана Шолоя, сообщил русскому толмачу П. Семенову, что после хана осталось 12 сыновей, «и меж ими ныне [смятенье]» [РМО, 1974. № 111. С. 352], т. е. отсутствие порядка престолонаследия, в свое время вызвавшее немало смут в Монгольской империи и государствах Чингизидов, оставалось актуальным и для Монголии в рассматриваемый период.

Точно так же новый хан мог подтвердить, а мог и отвергнуть любые волеизъявления своего предшественника, включая его обязательства международно-правового характера. Тот же Турукай заявлял, что как только новый хан будет избран, ситуация с шертью московскому царю вновь будет обсуждаться [РМО, 1974. № 111. С. 352]. Другой же монгольский правитель, Сэчэн-нойон, в отличие от своего покойного отца, решил «быть в совете» с московскими государями [РКО, 1972. С. 167].

Наконец, в посольской документации имеются также немногочисленные, но яркие сообщения об отношениях в сфере преступлений и наказаний. Традиционно суровые наказания предусматривались за преступления в сфере государственного управления. Выше мы уже упоминали, как Эрдэни-Батур-хунтайджи сурово наказал за неявку на съезд знати улусного правителя Кулу-тайши. За подобные правонарушения монгольские кодификации этого периода предусматривали штраф в 100 лошадей и 10 верблюдов [ВСС, 2002. С. 46; Их Цааз, 1981. С. 14]. Более суровое наказание Кулу-тайши, по-видимому, объяснялось тем, что он не был владетельным князем, а являлся, как отмечал М. Ремезов, «приказным человеком в тех улусех», т. е. всего лишь ханским чиновником, для которого столь вопиющее неповиновение, несомненно, являлось более тяжким нарушением, чем если бы его допустил владетельный ойратский феодал. Еще один пример наказания за преступление в сфере управления приводит С. Неустроев, также побывавший во владениях Эрдэни-Батура-хунтайджи. Во время его пребывания при дворе джунгарского правителя к тому явились его данники барабинские татары и пожаловались, что некий «Кутенко» от имени хунтайджи требовал с них ясака, а

также «имал... сильно и держал у себя на постеле» дочь одного из жалобщиков. Эрдэни-Батур, выяснив, что тот действовал самовольно, приказал взять с него штраф 9 лошадей [РМО, 1974. № 50. С. 216]. Такое наказание полностью соответствовало нормам «Их Цааз» за попытку выдать себя за ханского чиновника [Их Цааз, 1981. С. 17]. Примечательно, что решение хунтайджи не предусматривало ответственности его подданного за насилие над «девкой», хотя за сожительство с женщиной помимо ее воли та же кодификация предусматривала штраф в размере 5—7 голов скота или одного верблюда [Их Цааз, 1981. С. 20]. По-видимому, ойратский правитель считал, что на его данников законы Джунгарского ханства не распространяются, тогда как штраф был взят не столько за причинение «обиды» барабинским татарами, сколько за то, что виновный присвоил себе властные полномочия, тем самым нарушив порядок управления.

В пользу такого предположения говорят и сообщения русских дипломатов о преступлениях, жертвами которых становились подданные московских царей. Одним из самых распространенных имущественных преступлений среди монголов был угон скота — зачастую во время набегов на русские пограничные территории. Когда дипломаты в переговорах с ханами поднимали вопрос о возвращении похищенного и наказании виновных, монгольские правители обещали не только вернуть скот, но и сурово наказать похитителей — вплоть до казни тех, кто будет признан виновным в подстрекательстве к набегу или укрывании похищенного скота [РКО, 1972. С. 197, 199]. Между тем, согласно официальному монгольскому законодательству, смертная казнь для конокрадов не предусматривалась вообще — с них лишь взымали штраф в зависимости от количества похищенного [ВСС, 2002. С. 44]. Таким образом, есть все основания полагать, что подобная реакция ханов была не более чем дипломатической уловкой, обещанием, которое они изначально не собирались выполнять.

То же касалось и преступлений в отношении самих дипломатов, также порой становившихся жертвами грабителей. Как уже отмечалось выше, халхаские правители чаще всего отказывались нести ответственность за действия подданных своих улусных владетелей, тогда как ойратские правители обещали провести розыск, найти грабителей и похищенное. Однако чаще и это являлось голословным обеща-

ем. Например, в 1687—1688 гг. посольство под руководством жильца С. Я. Коровина проезжало через владения богдо-гэгэна в Цинскую империю, у дипломатов были похищены 18 лошадей, шанцотба пообещал провести розыск и вернуть похищенное. Однако были возвращены только 11 лошадей, вместо семи остальных были даны семь жеребят [Материалы, 2000. № 22. С. 113—114]. Еще больше пострадали вышеупомянутый служилый бухарец С. Аблин и казак И. Тарутин, ездившие в Цинскую империю в 1671 г.: у них украли лошадей и верблюдов вместе с навьюченными на них товарами. Местные тайджи пообещали устроить розыск, однако Аблин весьма язвительно описал его результаты: «а сыскал (зайсан, которому тайджи поручили розыск. — *Р. П.*) ли те верблюды и лошади и камки, того они (Аблин и Тарутин. — *Р. П.*) не ведают, только де им тово не отдали» [Материалы, 1996. № 118. С. 235].

Таким образом, можно отметить, что кризис власти и управления в монгольском обществе имел следствием и достаточно слабо организованную правоохранительную деятельность, включая розыск преступников и привлечение их к ответственности. Между тем наряду с традиционными монгольскими видами наказаний (штраф, телесные наказания, смертная казнь) в этот период времени появляется и новый — тюремное заключение. Сын боярский М. Ржицкий, ездивший к джунгарскому правителю Сенге в 1669—1670 гг., упоминает, что в подвластном ему «бухарском городе» (в Восточном Туркестане, недавно подчиненном Джунгарией) имелась «земельная тюрьма», причем узнал посол о ней не понаслышке: его самого туда посадили и продержали около трех месяцев [Материалы, 1996. № 101. С. 209].

Как видим, в русской дипломатической документации содержится немало информации о правовых реалиях Монголии XVII в. С одной стороны, можно наблюдать преемство некоторых традиций и обычаев со времени Монгольской империи, с другой — появляются новые веяния, прежде всего нашедшие отражение в разработке законодательных сводов. Однако эффективная реализация принятых правовых актов не всегда была возможна из-за слабости власти правителей, их постоянной борьбы между собой. Таким образом, XVII в. стал временем правовой неопределенности, выходом из которой стало признание сюзеренитета империи Цин в ожидании наступления некоторой упорядоченности в политической и правовой сферах.

Использованная литература

ВСС, 2002: Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI—XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 (Vosemnadtsat' stepnykh zakonov: Pamyatnik mongol'skogo prava XVI—XVII vv. / Per. s mong., komment. i issled. A. D. Nasilova. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002).

Гольман, 1986: Гольман М. И. Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х—80-е годы XVII века // *Mongolica*. Памяти академика Б. Я. Владимирцова, 1884—1931. М.: Наука, 1986. С. 137—149 (Gol'man M. I. Russkie arkhivnye dokumenty po istorii Mongolii v seredine 50-kh—80-e gody XVII veka // *Mongolica*. Pamyati akademika B. Ya. Vladimirtsova, 1884—1931. M.: Nauka, 1986. S. 137—149).

- Гольман, 2017: *Гольман М. И.* Первые 30 лет в отношениях России и Монголии в XVII в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 6. С. 105—112 (*Gol'man M. I. Pervye 30 let v otnosheniyakh Rossii i Mongolii v XVII v. // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2017. № 6. S. 105—112*).
- Дацышен, Модоров, 2010: *Дацышен В. Г., Модоров Н. С.* Посольская миссия Ф. И. Байкова в Китай и ее результаты (1654—1658) // Мир Евразии. 2010. № 2 (9). С. 18—29 (*Datsyshen V. G., Modorov N. S. Posol'skaya missiya F. I. Baykova v Kitay i ee rezul'taty (1654—1658) // Mir Evrazii. 2010. № 2 (9). S. 18—29*).
- Демидова, Мясников, 1966: *Демидова Н. Ф., Мясников В. С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись») И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова / предисл. Л. И. Думана. М.: Наука, 1966 (*Demidova N. F., Myasnikov V. S. Pervye russkie diplomaty v Kitae («Rospis») I. Petlina i stateynyy spisok F. I. Baykova / Predisl. L. I. Dumana. M.: Nauka, 1966*).
- Дробышев, 2007: *Дробышев Ю. И.* Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве // *Mongolica-VII. 2007. С. 71—82 (Drobyshev Yu. I. Ekologicheskie syuzhety v srednevekovom mongol'skom zakonodatel'stve // Mongolica-VII. 2007. S. 71—82)*.
- Златкин, 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983 (*Zlatkin I. Ya. Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635—1758). 2-e izd. M.: Nauka, 1983*).
- Идес, Бранд, 1967: *Избрант Идес и Адам Бранд.* Записки о посольстве в Китай. М.: Наука, 1967 (*Izbrant Ides i Adam Brand. Zapiski o posol'stve v Kitay. M.: Nauka, 1967*).
- Иргит, 2009: *Иргит Ч. К.* Этнографические сведения из «Расспроса» Василия Тюменца и Ивана Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (83). С. 154—157 (*Irgit Ch. K. Etnograficheskie svedeniya iz «Rassprosa» Vasiliya Tyumentsa i Ivana Petrova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 5 (83). S. 154—157*).
- Их Цааз, 1981: Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981 (*Ikh Tsaaz («Velikoe ulozhenie»): Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. / Per., vved. i komment. S. D. Dylykova. M., 1981*).
- Магидович И. П., Магидович В. И., 1983: *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II: Великие географические открытия (XV—середина XVII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983 (*Magidovich I. P., Magidovich V. I. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. T. II: Velikie geograficheskie otkrytiya (XV—seredina XVII v.). 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prosveshchenie, 1983*).
- Магидович И. П., Магидович В. И., 1984: *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII—XVIII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984 (*Magidovich I. P., Magidovich V. I. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. T. III: Geograficheskie otkrytiya i issledovaniya novogo vremeni (seredina XVII—XVIII v.). 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prosveshchenie, 1984*).
- Материалы, 1996: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654—1685 / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 1996 (*Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1654—1685 / sost. G. I. Slesarchuk; otv. red. N. F. Demidova. M.: Vost. lit., 1996*).
- Материалы, 2000: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685—1691 / сост. Г. И. Слесарчук; отв. ред. Н. Ф. Демидова. М.: Вост. лит., 2000 (*Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1685—1691 / Sost. G. I. Slesarchuk; otv. red. N. F. Demidova. M.: Vost. lit., 2000*).
- Мясников, 1958: *Мясников В. С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146—151 (*Myasnikov V. S. Novye dokumenty o poyezdke v Kitay Ivana Petlina // Sovetskoe kитаеведение. 1958. № 1. S. 146—151*).
- Оглоблин, 1891: *Оглоблин Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. Т. 46. С. 156—171 (*Ogloblin N. Sibirskie diplomaty XVII veka (Posol'skie «stateynnye spiski») // Istoricheskiy vestnik. 1891. T. 46. S. 156—171*).
- Палладий, 1892: Заметки архимандрита Палладия о путешествии в Китай казака Петлина // Зап. вост. отд-ния Рос. археол. о-ва. Т. VI. 1892. С. 305—308 (*Zametki arkhimandrita Palladiya o puteshestvii v Kitay kazaka Petlina // Zap. vost. otd-niya Ros. arkheol. o-va. T. VI. 1892. S. 305—308*).
- РКО, 1972: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686—1691. М.: Наука, 1972 (*Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v. Materialy i dokumenty. T. 2. 1686—1691. M.: Nauka, 1972*).
- РМО, 1959: Русско-монгольские отношения 1607—1636 / сост. Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Изд-во вост. лит., 1959 (*Russko-mongol'skie otnosheniya 1607—1636 / Sost. L. M. Gataullina, M. I. Gol'man, G. I. Slesarchuk; otv. red. I. Ya. Zlatkin, N. V. Ustyugov. M.: Izd-vo vost. lit., 1959*).
- РМО, 1974: Русско-монгольские отношения 1636—1654 / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Наука, ГРБЛ, 1974 (*Russko-mongol'skie otnosheniya 1636—1654 / Sost. M. I. Gol'man, G. I. Slesarchuk; otv. red. I. Ya. Zlatkin, N. V. Ustyugov. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1974*).
- Скрынникова, 1988: *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI—начало XX в. Новосибирск, 1988 (*Skrynnikova T. D. Lamaistskaya tserkov' i gosudarstvo. Vneshnyaya Mongoliya XVI—nachalo XX v. Novosibirsk, 1988*).
- Слесарчук, 2013: *Слесарчук Г. И.* Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013 (*Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013*).
- Слесарчук, 2013а: *Слесарчук Г. И.* О поездке тобольского сына боярского Ф. Е. Михалевского и подьячего Г. Шешукова в монгольские улусы // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 94—102 (*Slesarchuk G. I. O poyezdke tobol'skogo syna boyarskogo F. E. Mikhalevskogo i pod'yachego G. Sheshukova v mongol'skie ulusy // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 94—102*).
- Слесарчук, 2013б: *Слесарчук Г. И.* Из истории посольских отношений России с северомонгольскими ханами в 60—70-е годы XVII века // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 127—133 (*Slesarchuk G. I. Iz istorii posol'skikh otnosheniy Rossii s severomongol'skimi*

- skimi khanami v 60—70-e gody XVII veka // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 127—133).
- Слесарчук, 2013в: *Слесарчук Г. И.* Русские архивные материалы о подданстве джунгарского тайджи Сенге // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 178—185 (*Slesarchuk G. I.* Russkie arkhivnye materialy o poddanstve dzhungarskogo taydzhi Senge // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 178—185).
- Слесарчук, 2013г: *Слесарчук Г. И.* Русские архивы о Цецен-хане Шолое // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. С. 204—208 (*Slesarchuk G. I.* Russkie arkhivy o Tsetsen-khane Sholoe // Slesarchuk G. I. Stat'i raznykh let. Ulan-Bator, 2013. S. 204—208).
- Спафарий, 1882: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб., 1882 (*Puteshestvie chrez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vved. i primech. Yu. V. Arsen'eva.* SPb., 1882).
- Филиппов, 1958: *Филиппов В. М.* Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина // Советское китаеведение. 1958. № 2. С. 136—143 (*Filippov V. M.* Novye dannye o posol'stve Seitkula Ablina // Sovetskoe kitaevedenie. 1958. № 2. S. 136—143).
- Чимитдоржиева, 2003а: *Чимитдоржиева Л. Ш.* Проблема шерты на русско-монгольских (алтан-хановских) переговорах в начале XVII в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда. 14 мая 2003 г. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2003. С. 37—39 (*Chimitdorzhieva L. Sh.* Problema sherty na russko-mongol'skikh (altan-khanovskikh) peregovorakh v nachale XVII v. // Tsentral'naya Aziya i Sibir'. Pervye nauchnye chteniya pamyati E. M. Zalkinda. 14 maya 2003 g. Barnaul: Alt. gos. un-t, 2003. S. 37—39).
- Чимитдоржиева, 2003б: *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608—1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003 (*Chimitdorzhieva L. Sh.* Russkie posol'stva k mongol'skim Altan-khanam. 1608—1681 gg. Dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 2003).

R. Yu. Pochekaev

Information of Russian diplomats of the 17th century on the Mongolian law

The article is an analysis of notes of Russian diplomats of the 17th c. who visited different Mongol states. Author attempts to clarify information on the Mongolian law and legal relations during this period. Such information is not numerous, but it is of great interest for researchers as reflects real legal relations, implementation of Mongolian legal codes and even legal rules which were not fixed in these codes. Information of Russian diplomats concern legal status of Mongol rulers (especially specific features of this status in Eastern Mongolian uluses and Western Mongolian khanate of Jungharia), status of Mongolian women and clergy, regulation of economic relations, some aspects in the field of crimes and punishments.

Key words: Mongolia in the 17th c., Junghar Khanate, Qing Empire, Moscow state, customary law, Russian embassies to Mongolia and China.